

Последние два месяца Гу Янь полностью ушёл в медитации, совсем перестав замечать Чжао Чжэньюя и Линь Чжэньчжэня. Они практически не пересекались.

Такой покой пришёлся юноше по душе.

Учитель в своё время говорил правильные вещи: истинный долг заклинателя — с головой погрузиться в постижение Дао, а не растрачивать силы на возделывание духовных полей или поиски способов раздобыть лишнюю горсть духовных камней. Вся эта мирская суеда лишь задерживала продвижение по пути самосовершенствования.

Кому бы не хотелось отбросить мирские заботы и предаться созерцанию?

Чэнь Ань стремился к этому. И сам Гу Янь — тоже.

Вот только раньше Гу Янь просто не мог позволить себе подобной роскоши. Если бы он думал лишь о собственном развитии, кто бы следил за успехом Чжао Чжэньюя? Откуда бы брались ежемесячные пять духовных камней жалования для каждого из слуг? Духовные камни и целительные пилюли, необходимые младшим братьям и сёстрам, не падали с неба — всё это приходилось добывать именно ему.

Заведя себя в круг бесконечных хлопот, он едва находил время для собственных медитаций.

Но стоило лишь выбросить этот груз из головы и сосредоточиться на тренировках, как духовному взору открылось удивительное: ци в каналах зациркулировала без малейших преград, становясь чище и концентрированнее.

Какое благо.

Немудрено, что Чэнь Ань так любил предаваться праздности.

Гу Янь улыбнулся своим мыслям.

Отныне он намеревался жить именно так — легко и беззаботно. Что же до Чжао Чжэньюя и всех дел горы Сяоцан...

Пусть выкручиваются как хотят. Ему больше нет до них никакого дела.

Чжао Чжэньюй окинул его взглядом, в котором сквозило едва сдерживаемое раздражение, и с ходу бросил обвинение:

— Старший брат, ты что, ободрал все плоды Билин?

Ну надо же, и впрямь явился из-за дерева плодов Билин.

Гу Янь спокойным кивком подтвердил:

— Именно так.

Видя, что тот признаётся без тени смущения, Чжао Чжэньчжэнь вспыхнул от гнева:

— А где тогда моя доля плодов?!

Гора Сяоцан не так уж велика. Известие о том, что Гу Янь собрал урожай Билин, быстро долетело до их ушей через Чэнь Аня.

Поначалу Чжао Чжэньчжэнь даже не тревожился.

Хотя плоды Билин ценились высоко — каждый вытягивал на две сотни средних или две тысячи нижних духовных камней, а полагающиеся ему сорок штук составили бы внушительные восемь тысяч средних духовных камней, — он не сомневался, что Гу Янь не станет утаивать его часть.

В конце концов, дерево на заднем дворе принадлежало обителю. За те двадцать лет, что оно плодоносило, Гу Янь каждый раз после сбора урожая честно делил плоды между всеми.

Чжао Чжэньчжэнь был твёрдо уверен, что положенные сорок штук вскоре окажутся в его руках.

Он даже успел придумать, на что потратит вырученные средства.

С тех пор как Линь Чжэньчжэнь поселился на горе Сяоцан, Чжао Чжэньчжэнь сопровождал его в каждой поездке к подножию и нисколько не скупился на подарки. Накопленные за прошлые годы духовные камни растаяли мгновенно.

В прошлый раз, будучи в городке Лори, Линь Чжэньчжэнь заприметил резное ажурное ароматическое саше из глубоководного секретного серебра стоимостью в шестьсот духовных камней. Чжао Чжэньчжэнь лишь ждал продажи плодов Билин, чтобы принести заветную вещь младшему брату.

И надо же — Гу Янь собрал урожай, но даже не подумал делиться!

Восемь тысяч средних духовных камней — сумма нешуточная.

Никто, даже старший брат-наставник, не смеет присваивать его долю!

Гнев затмил Чжао Чжэньюю разум, выгнав остатки страха, и он сурово потребовал:

— По ежегодному уговору мне полагается сорок плодов Билин! Или старший брат решил забрать мою долю себе?!

Гу Янь не удержался от ироничной ухмылки:

— И с чего ты взял, будто у тебя есть какая-то «доля»?

Чжао Чжэньюй с вызовом выпалил:

— С какой стати ей не быть?! Это дерево — духовное достояние нашей горы Сяоцан! Его плоды принадлежат не только тебе, но и мне, и младшей сестре Ци, и Чжэньчжэню! Ты снял весь урожай подчистую — неужели вознамерился заграбастать всё в одиночку?!

Чем дольше он говорил, тем больше распалялся. Щёки его налились кумачом, на лбу вздулись вены, а взгляд был полон такой лютой ненависти, словно перед ним стоял заклятый враг.

Гу Янь смотрел на него холодным, отстранённым взглядом, ощущая лишь едкий сарказм.

В своё время Юй Ци предупреждал его быть осмотрительнее и не проявлять излишней щедрости к соратникам. Управляющий говорил, что в мире бессмертных несть числа друзьям и братьям по оружию, навсегда рассорившимся из-за ресурсов и духовных камней. Гу Янь тогда не поверил. И лишь теперь осознал, насколько сам был глуп и слеп, своими руками выкормив неблагодарного волка.

Гу Янь лишь презрительно усмехнулся.

Тут же подал голос и Линь Чжэньчжэнь, вкрадчиво проговорив:

— Мне плоды не нужны... Я ведь не могу заниматься культивацией, для меня плод Билин — лишь пустая трата редкого снадобья. Однако, старший брат... Дерево ведь принадлежит нашей обители. Пусть в прошлый раз ты и помог справиться с мором, за что тебе полагалась бóльшая часть урожая, ты всё же не должен забирать всё себе. Отдай второму старшему брату то, что ему положено, и давай не будем доводить дело до учителя, хорошо?

Гу Янь смерил обоих ледяной ухмылкой:

— А кто вам вообще сказал, будто дерево плодов Билин принадлежит обители?

Чжао Чжэньюй выпалил, не подумав:

— Оно же растёт на нашей земле!

Гу Янь насупился, взгляд его стал острым, как лезвие меча, а аура — давящей и холодной:

— А кто тебе сказал, что оно росло здесь с самого начала?

Чжао Чжэньюй, с детства робевший перед старшим братом, от такого тона опешил и застыл.

Когда он только прибыл на гору Сяоцан, дерево уже красовалось на заднем дворе. Позже, когда оно давало плоды, учитель забрал себе восемьдесят штук, а оставшуюся часть они делили на троих. Он счёл само собой разумеющимся, что духовное растение принадлежит секте. Но судя по словам старшего брата...

Неужели дерево плодов Билин никогда не было собственностью обители?

Да как такое возможно?!

Какой дурак стал бы сажать столь драгоценное духовное дерево на их скромной горе Сяоцан, позволяя им собирать урожай и набивать кошельки?

Он не верил!

Чжао Чжэньюй вытаращил глаза:

— Ты... ты пытаешься меня запутать?!

Гу Янь холодно усмехнулся:

— Вовсе нет. Двадцать лет назад я с великим трудом вынес этот саженец из горной гряды Заходящего Солнца и сам посадил его на заднем дворе. Если не веришь — пойдя и спроси у учителя. То, что я делился с вами урожаем в прошлые годы, было лишь проявлением моей доброй воли. А раз ты сумел меня разозлить, больше никаких плодов ты не получишь. Дерево целиком принадлежит мне, так с какого перепугу тебе полагается какая-то «доля»?

Гу Янь изогнул бровь, а на его губах заиграла насмешливая улыбка:

— А если уж на то пошло... За эти двадцать с лишним лет ты трижды получал от меня плоды Билин, каждый раз по сорок штук. В общей сложности это вытягивает на двадцать четыре тысячи средних духовных камней. Скажи-ка, когда ты собираешься вернуть мне этот долг?

Чжао Чжэньюй окончательно опомнился.

Он пришёл требовать духовные камни, а в итоге оказался должен астрономическую сумму?!

Он хотел было возразить, но слова застряли у него в горле. В полном замешательстве юноша переминался с ноги на ногу, пока Линь Чжэньчжэнь не увлёк его прочь за рукав.

Проводив их презрительным взглядом, Гу Янь вернулся к себе во двор.

Дорога до городка Лори и обратно заставила его немного вспотеть. Гу Янь нагрел воды и принял горячую ванну.

Рассыпав по плечам вымытые волосы, он вспомнил о ленте из акульего шёлка. Достав её из пространственного кольца, Гу Янь встал перед водным зеркалом и умело собрал волосы в высокий конский хвост.

Мягкие пряди, не попавшие в причёску, спускались по обе стороны лица вместе с белоснежной лентой.

Трудно было разобрать, что касалось кожи нежнее — шелковистые волосы или дивный акулий шёлк, но выглядело это невероятно изысканно, придавая его обычно строгому облику мягкие и утончённые черты. Волосы мгновенно пропитались тонким, освежающим благовонием Снежной Груши с Ледяной Равнины. Улавливая этот запах, Гу Янь почувствовал, как душевное смятение окончательно уступает место умиротворению.

Повязав столь дорогой аксессуар, оставаться в прежней поношенной одежде казалось нелепостью.

Найдя в кольце серебряное духовное одяние, Гу Янь переоделся и, как обычно, отправился во двор питать растения духовной энергией.

Ближе к вечеру его призвал преподобный Цинъян.

Разумеется, разговор пойдёт о плодах Билин.

Гу Янь несколько не сомневался, что Линь Чжэньчжэнь не поверит его словам и побежит за разъяснениями к учителю. Но страха он не испытывал.

Ведь каждое его слово было правдой.

Это он с великим трудом вытащил саженец из опасной горной гряды Заходящего Солнца.

Это он выходил его с помощью Техники Возрождения Тысячи Деревьев.

Почитать учителя и одаривать младших братьев было проявлением его щедрости, но если он не желает этого делать, даже преподобный Цинъян не в силах его принудить.

Наставник восседал под кроной дерева, неспешно попивая чай.

Заслышав шаги, он поднял голову — и застыл. Пиала, поднесённая к губам, замерла в воздухе, а в глазах подлинно вспыхнуло изумление, которое невозможно было скрыть.

Гу Янь приблизился широким шагом:

— Учитель, вы звали меня?

— Кхм! Кхм!

Преподобный Цинъян смущённо кашлянул, скрывая неловкость от того, что засмотрелся на собственного ученика.

Он жестом указал на противоположное место:

— Янь-эр, пришёл? Садись.

Гу Янь качнул головой:

— Если у учителя есть поручения, я слушаю.

Преподобный слегка опешил, и в его взгляде мелькнуло разочарование:

— Ученик и учитель... Неужели мы стали настолько чужими друг другу? Неужто всё из-за того, что я не смог отослать Чжэньчжэня?!

Гу Янь поджал губы и остался стоять в молчании.

Поняв, что с упрямым нравом воспитанника ничего не поделать, преподобный Цинъян отпил остывший чай и тихо вздохнул:

— Не бери в голову историю с плодами Билин. Это твоё достояние, распоряжайся им так, как считаешь нужным.

Гу Янь слегка удивился.

Он-то полагал, что учитель призвал его читать нотации о братолюбии и согласии. Подобные речи он бы всё равно проигнорировал, но слушать их было бы весьма досадно.

Коли наставник решил молчать — тем лучше.

Гу Янь спокойно и сдержанно ответил:

— Слушаюсь.

Преподобный Цинъян проявил участие, задав пару вопросов о продвижении в медитациях и о том, готов ли его священный меч.

Однако за этими расспросами невольно проглядывала глубокая забота и печаль.

Гу Янь прекрасно знал, что тяготит наставника.

Клан Нин прислал приглашение в город Юйчэн на празднество в честь формирования Золотого Ядра Нин Шуанфэна. На подобные торжества созывали лишь самых близких друзей и родичей, дабы те помогли новоиспечённому мастеру укрепить позиции. Гости должны были принести ценные дары, способные помочь при прохождении Небесной скорби.

И подношение не могло быть скромным.

В прошлой жизни преподобный Цинъян преподносил шестьдесят плодов Билин — щедрый дар, приведший клан Нин в неописуемый восторг. Сделка укрепила их связи, и стороны расстались, весьма довольные друг другом.

Ныне же все двести плодов были проданы за духовные камни.

Его учитель, никогда не вникавший в мирские дела, тратил все получаемые средства на целительные пилюли для практики; его пространственное кольцо пустовало пуще, чем у самого Гу Яня. Нефрит Просветления Сердца идеально подошёл бы для подарка, да вот беда — его уже отдали Линь Чжэньчжэню. Наставник остался без достойного подношения для клана Нин — как тут не предаваться унынию?

Гу Янь наблюдал за этим с холодным равнодушием, не испытывая ни малейшего желания выручать учителя.

Более того, в глубине души зрел злорадный помысел: «Это ещё что... Настоящие невзгоды у тебя ещё впереди».

Не прошло и двух дней, как к его обители явились слуги за жалованием.

На горе Сяоцан прислуживало восемь человек. Каждому полагалось по пять духовных камней в месяц, с расчётом раз в год — в общей сложности четыре сотни и восемьдесят духовных камней.

Сумма смехотворная — даже скромнее цены того ароматического саше, что приглянулось Линь Чжэньчжэню.

Однако Гу Янь не намеревался платить ни медяка. Он заранее запечатал ворота двора защитным барьером и ушёл в закрытую медитацию.

Не получив денег, слуги отправились к преподобному Цинъяну.

Наставник, отродясь не касавшийся хозяйственных вопросов, опешил.

Четыреста восемьдесят духовных камней — мелочь.

Но у него не было и этого!

Перед лицом слуг преподобный Цинъян на своей шкуре познал всю горечь поговорки «из-за одной монеты и богатырь плачет». Под взглядами нескольких честных работников, в которых читалось невольное: «Неужто почтенный мастер стадии Золотого Ядра решил заграбастать наше скромное жалование?», наставник сгорал от стыда и готов был сквозь землю провалиться.

В полном отчаянии он призвал Чжао Чжэньюя и Линь Чжэньчжэня.

Услышав просьбу учителя одолжить денег на выплату слугам, оба ученика оцепенели.

Духовных камней не оказалось ни у того, ни у другого.

Линь Чжэньчжэнь, покидая дом клана Линь, унёс с собой лишь скудное наследство матери, умершей от отравления. Все имевшиеся средства ушли на покупку снадобий против яда.

Чжао Чжэньюй раньше имел кое-какие сбережения — ведь на горе его всем обеспечивали, а доковки священного меча было далеко. Но с появлением Линь Чжэньчжэня он оплачивал любые прихоти младшего брата, а тот никогда не интересовался ценой.

В итоге все его запасы растаяли без остатка.

За дверью ждали восемь слуг, а в комнате молча стояли трое заклинателей, хлопая глазами.

Каждый испытывал невыносимую неловкость от собственной нищеты.

Кто бы мог подумать, что стоит лишь Гу Яню умыть руки, как они окажутся не в состоянии оплатить даже труд слуг!

В конце концов Линь Чжэньчжэнь, не желая смириться, покрутил головой и предложил:

— У нас ведь на заднем дворе растёт несколько десятков му духовного риса Яньчжи. Чэнь Ань говорил, что урожай созреет со дня на день. Может, попросим слуг немного подождать?

Не найдя иного выхода, преподобный Цинъян был вынужден с перекошенным от стыда лицом выйти к слугам и попросить их обождать до сбора риса Яньчжи. Он всегда отличался гордыней и заботился о репутации; эти простые слова дались ему с таким трудом, словно его подвергли жестокой пытке.

От пережитого унижения даже его прежде незыблемая ступень стадии Золотого Ядра слегка пошатнулась.

К счастью, слуги не стали спорить и согласились подождать.

И трое заклинателей остались в покоях, с нетерпением ожидая, когда созреет духовный рис на полях.

Кто же мог знать, что той же ночью на духовных полях вспыхнет пожар.

<http://bllate.org/book/19602/1934193>